

ности и церковной дисциплины. Путь возрожденія приходской жизни тернистъ, на немъ неизбѣжны препоны и препятствія. Но онѣ не должны понижать нашей энергіи и служить средствомъ для оправданія нашей инертности, апатіи и ничегонедѣланія.

Только при активности руководителей приходская организація послужитъ могучимъ средствомъ для объединенія прихожанъ, исполняющихъ свои христіанскія обязанности, въ мѣстный братскій союзъ для совмѣстнаго служенія Богу и ближнему, воодушевленной идеей христіанскаго дѣланія для взаимопомощи, религіозно-нравственнаго просвѣщенія и благотворенія. Этотъ союзъ, совершенствуясь внутренно, несомнѣнно будетъ расти внѣшне-количественно, постепенно привлекая въ свою среду новыхъ и новыхъ членовъ, пока не охватитъ собою всѣхъ прихожанъ или, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства ихъ. И тогда разрозненный теперешній приходъ возродится въ единомысленную братскую христіанскую общину.

Святое Единство.

Тѣ противорѣчія, которыми преисполнена наша культурная жизнь въ цѣломъ, противорѣчія нравственныя, религіозныя, художественныя и научныя и, наконецъ, противорѣчія общественно-политическія съ несомнѣнностью указываютъ намъ на болѣзненное пораженіе всего организма человѣчества, на отсутствіе развитія въ немъ гармоническаго теченія жизни и на разобщенность духовнаго строя вещей отъ строя матеріальнаго.

По этому вполне справедливо по отношенію къ человѣчеству были примѣнены слова „падшее человѣчество“, ибо ясно, что гармоніи общественной нѣтъ внутри человѣческихъ сообществъ, и такъ какъ вся культура и ея воспріятіе массами зависятъ отъ общаго состоянія общества, то нѣтъ гармоніи и въ нихъ.

Наша культура, наша наука, искусство, религіозное пониманіе и общественный строй—негармоничны, чужды общепризнаннаго систематизма и глубоко анархичны.

Для тѣхъ, кто задавалъ себѣ вопросъ о причинахъ вышеуказаннаго явленія, для всѣхъ, кто въ поискахъ цѣлостнаго и

общеобязательнаго міросозерцанія отдалъ свою жизнь идейной работѣ и ощутилъ бесплодность своихъ святыхъ порывовъ, для всѣхъ этихъ людей отвѣтъ на эти вопросы не былъ найденъ и пути человѣческой жизни остались темными и непонятными.

Какова-же глубокая причина настроеній и противорѣчій современной культуры? Почему во всѣхъ отрасляхъ ея мы находимъ анархическую борьбу, борьбу, часто, во имя туманныхъ и не продуманныхъ съ достаточной глубиной принциповъ?

Для того, чтобы получить нужный намъ отвѣтъ, изслѣдуемъ историческія основанія нашей европейской и культуры и попробуемъ сдѣлать имъ оцѣнку съ точки зрѣнія мистически-христіанской міросозерцательной жизни. Что это за точка зрѣнія, это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго, когда мы приступимъ къ оцѣнкѣ различныхъ культурныхъ достояній.

Начало нашей культурной жизни, каку-то новую войну, которая создала новыя комбинаціи условій человѣческаго творчества, историки назвали именемъ „Эпохи Возрожденія“ и относятъ ея начало къ XV вѣку.

Волна реформаціи приносится въ это время по католическимъ странамъ Западной Европы и несетъ съ собой новый, столь характерный для современности, раціональный взглядъ на религію и церковь. Искусство претерпѣваетъ существенныя измѣненія въ своихъ приѣмахъ и задачахъ.

Наряду съ великими итальянскими живописцами, и композиторы изобрѣтаютъ свободный стиль для напѣвовъ католическихъ мессъ. Въ богатыхъ итальянскихъ солонахъ зарождается опера и музыка постепенно перестаетъ быть исключительной принадлежностью церкви. Появляется художественная литература, драма и поэзія, далекая по своимъ заданіямъ отъ напѣвовъ трубадуровъ. Зарождается новая, опытная философія, дающая мощный толчекъ къ развитію той науки, которой такъ гордятся наши современники. Наконецъ, именно къ этому времени должно быть отнесено начало того общественнаго теченія, которое теперь носить названіе „соціализма“. Это начало соціализма въ видѣ „коммунизма“ обнаружилось въ XVI вѣкѣ, когда на крестьянъ и землевладѣльцевъ легъ всей тяжестью притокъ золота изъ богатыхъ новыхъ областей, когда изъ Азіи начался усиленный подвозъ пряностей, шелка тканей, фарфора, когда возросла дороговизна на городскіе продукты, а продукты доставляемые деревней пали въ цѣнѣ. Вотъ въ

это-то время возстаній крестьянъ, устами анабаптистовъ или радикальныхъ сектантовъ и была высказана впервые идея коммунизма, яко бы заключающаяся въ проповѣди Христа. Здѣсь лежитъ начало нашихъ общественныхъ движеній.

Вотъ, слѣдовательно, какова древность нашей культуры. Она существуетъ едва четыре вѣка. Это срокъ настолько ничтожный по сравненію съ тысячелѣтіемъ древнихъ культуръ, что невольно начинаешь понимать ту неразбериху, во власти которой мы находимся.

Во всѣхъ явленіяхъ, какъ человѣческой, такъ и міровой жизни, развитіе совершается постепенно, проходя различныя ступени внутренней организаціи и расчлененія. Этого закона не избѣгаетъ и культура различныхъ человѣческихъ сообществъ, народовъ, націй и расъ. Она также, какъ и другія міровыя явленія, организуется постепенно, раскрываетъ свою мощь и обнаруживаетъ силы скрытыя въ ней. И также постепенно, какъ вырастаетъ она въ своемъ могуществѣ, такъ же постепенно она угасаетъ, проходя положенныя стадіи старческаго разложенія.

Наша культура еще очень молода, чтобы можно было ожидать найти въ ней нѣчто законченное. Она находится еще въ состояніи своего собственнаго построенія, своей собственной организаціи. И не удивительно, поэтому, что она полна противорѣчій, какъ полонъ противорѣчій бываетъ неокрѣпшій умъ юнаго человѣка.

Но наша раса въ западно-европейской своей культурѣ, должна пройти тѣ стадіи культурной жизни, которыя были изжиты иными, болѣе старыми расами, но только въ видѣ присущемъ именно ей, а не ея предшественницами. Поэтому возможно, изучивъ этапы культурнаго развитія народовъ, приложить полученныя такимъ путемъ знанія къ нашей культурѣ и указать ея будущее, ея цѣль или миссію.

Всякая культура, будучи совокупностью общественнаго творчества для достиженія культурныхъ идеаловъ (Знанія, Искусства и Правденности или Истины, Добра и Красоты) переживаетъ три стадіи своего общественнаго осуществленія.

Первой стадіей развитія культуры является такъ называемый первоначальный синкретизмъ, т. е. такое состояніе, когда различныя виды культурнаго творчества являются слитыми въ одно *неосознанное* цѣлое и сосредоточиваются въ одномъ какомъ-либо экономически сильномъ классѣ. Въ этомъ состояніи культурнаго

развитія нѣтъ раскола между науками, религіозными вѣрованіями и художественной жизнью. Религіозная потребность поглощаетъ научныя запросы миеологіей и своими обрядами даетъ всю полноту художественныхъ переживаній. Этимъ исчерпывается полнота жизни человѣка первобытной культуры.

Затѣмъ постепенно въ сознаніе массъ начинаетъ проникать желаніе раздѣлить первоначальное еднство вѣрованій, знаній и художественныхъ чувствъ. Въ связи съ ростомъ общественнаго расчлененія на классы и съ организаціей правового общества, наука и искусство отдѣляются отъ религіи и начинаютъ существовать независимо.

На этой второй стадіи развивается крайняя раздѣльность (сепаратизмъ) и размежеванность различныхъ видовъ культурнаго творчества. Искусства раздѣляются, науки ищутъ своего обособленія и „отграничиваются“, религіозныя убѣжденія растворяются въ индивидуализмъ многочисленныхъ сектъ.

Если въ первой стадіи культурнаго развитія сама жизнь инстинктивно напитывала духовными содержаніями общественное сознаніе, то на этой вторичной стадіи духъ анализа проникаетъ собой всѣ начинанія и разбиваетъ творчество на мелочь обработки частныхъ.

Миеологія превращается въ философію отдѣльныхъ наукъ, ихъ отдѣловъ и подотдѣловъ, которыя умножаются со дня на день.

Знаніе, благодаря богатству и могуществу своихъ приложений, захватываетъ первенствующую роль и стремится задушить ударами своей всераспыляющей аналитической способности всѣ остальные стороны культурной жизни.

Въ этомъ состояніи находимся въ настоящее время мы, и медленно, но вѣрно переживаемъ эту эпоху разрезненности, блужданія въ частностяхъ и грубаго раціонализма.

Но когда окажется (для многихъ это уже стало ясно), что эта культурная форма глубоко неудовлетворительна для вѣчно жаждущаго Всезнанія высшаго Счастья и Радости человѣческаго духа, что анализъ, раздробляя явленія до безконечности, не можетъ открыть намъ томящую насъ загадку *Единого Цѣлаго*, — тогда начинаютъ искать глубокихъ методовъ обобщенія (Синтеза) и ищутъ такой системы міропониманія и жизнедѣятельности, которыя вновь дали бы *сознательное и разумное еднство всѣхъ культурныхъ достиженій*.

Такова третья стадія культурнаго развитія. Это возвращеніе вновь къ первоначальному единству отъ раздробленности, но къ единству не инстинктивному, какъ вначалѣ, а къ единству, какъ разумному и сознательному Синтезу.

Общественная же стадія развитія, которая соотвѣтствуетъ этой послѣдней формѣ культурнаго творчества, соотвѣтствуетъ факту претворенія общества въ Церковь, съ преобладаніемъ въ ней, въ качествѣ народныхъ вождей, демакратической аристократіи духа.

Три стадіи переживаетъ культура: первоначальный синкретизмъ, эпоху анализа и эпоху Церковно-органическаго синтеза.

Три стадіи переживаетъ общество: анархическое, юридически-государственное и церковно-органическое.

Три стадіи переживаетъ, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и общественное сознаніе: развитіе инстинкта, развитіе сознанія и развитіе Разума въ самомъ высокомъ смыслѣ слова.

Первая эпоха характеризуется, какъ воздѣйствіе Бога Отца, вторая—Бога Сына и третья—Бога Духа Святого.

Такъ на протяженіи временъ драма человѣческой исторіи приводитъ человѣческое общество и его культуру къ высшему типу земной жизни: Церкви, отражающей на землѣ таинства Царствія Небеснаго.

Если въ первомъ состояніи общественнаго развитія религиозныя мотивы поглощаютъ собой остальные стороны культурной жизни, то во второй такую-же роль играетъ наука, а въ третьей—искусство.

Остановимся на этомъ въ изложеніи теоріи культурнаго развитія съ мистически—христіанской точки зрѣнія и постараемся извлечь изъ сказаннаго кое-какія практически важныя для насъ выводы.

Мы указывали на то, что въ конечномъ счетѣ культурное творчество стремится къ обобщенію и къ созданію Общаго Единства или Органическаго Синтеза всѣхъ достиженій человѣчества. Зная это, постараемся же выяснитъ сперва для себя, а затѣмъ и для широкихъ общественныхъ слоевъ, какія цѣли встаютъ передъ нами, какой культурной точки зрѣнія на все происходящее мы должны придерживаться и въ чемъ, собственно, заключается смыслъ этого Общаго Единства.

Всѣ культурныя приобрѣтенія есть результатъ попытокъ че-

ловѣчества осуществить внутри общества триединство идеаловъ: Истины, Добра и Красоты.

Систематическая ихъ разработка даетъ системы Наукъ, Религіи и Искусствъ.

Всѣ вещи, которыя творить человѣкъ, предполагаютъ знаніе свойствъ вещей, выгоду ихъ изобрѣтенія и умѣніе изобрѣсти, т. е. моменты—научный, моральный или релігіозный и художественный.

Всѣ эти творенія есть осуществленіе власти разума чрезъ посредство воли надъ законами природы. Разумъ же не есть „умъ“, или „разсудокъ“, а живая творческая дѣятельность духа согласно триединству высшихъ культурныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ, осуществленіе культуры есть осуществленіе разума, цѣль культуры—самосознаніе разума въ человѣкѣ и обществѣ, строеніе культуры есть строеніе разума въ его безконечныхъ творческихъ проявленіяхъ.

Чрезъ око своего разума, человѣческое сознаніе приобщено къ міровому разуму, т. е. въ глубинахъ существа своего человѣкъ является социальнымъ, соборнымъ. И хотя не многіе люди дорожили въ настоящее время до сознанія находящагося въ нихъ разума, но онъ все-же существуетъ въ сверхсознательной области ихъ сложнаго существа.

Этотъ соборный разумъ есть та часть человѣческаго существа, надъ которой „вторая смерть не имѣетъ власти“. Это—Логосъ Міра, Слово дѣлающее людей «сынами божьими».

Познать самого себя, изучить таинственныя глубины своего собственнаго существа, уловить стройную систему „идей-силъ“ составляющихъ Разумъ, это—получить высшее вѣдѣніе, узнать „науку Слова“, безъ котораго „ничего не было“.

„Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое,—говоритъ Божественный Учитель,—тамъ Я посреди нихъ“, и этимъ утверждаетъ Церковность своего Божественнаго Присутствія.

„Я есмь Путь, Истина и Жизнь“,—говоритъ Онъ, и этимъ указываетъ на таинственную троичность Своего строенія.

Наука о Словѣ, единая и троичная въ своей сущности, порождающая культуру высшаго типа, есть та Премудрость Божія Тайная и Сокровенная, которая была предназначена къ славѣ нашей прежде созданія міра.

Это та Святая Теософія Христіанской Церкви, которая одѣваетъ «Души Постигшихъ» одѣяніемъ брачнымъ сіяющей Славы.

Это и есть то единство, тотъ синтезъ, о которомъ мы говорили, и въ рядѣ послѣдующихъ очерковъ понятіе о которомъ мы дадимъ всѣмъ, кто прочтетъ и продумаетъ написанныя нами строки.

Мы говорили уже о томъ, что всѣ національныя культуры проходятъ одинъ и тотъ-же путь, но осуществляютъ его различно въ зависимости отъ миссіи народа, его національныхъ качествъ и общественнаго строя. Такъ что осуществленный Теософическій Синтезъ, хотя и передается по наслѣдству въ такъ называемыхъ „Религіозныхъ Писаніяхъ“, но онъ дѣлается мало понятенъ потомкамъ въ силу иного ихъ духовнаго склада. При внимательномъ-же изученіи историческихъ религіозныхъ документовъ, мы все-же, несмотря на вышеуказанное затрудненіе, можемъ, съ помощью Божіей, установить не только общія линіи этого универсальнаго Синтеза, но и сдѣлать его приложенія къ современной намъ культурѣ.

Дать систему, гдѣ слитыми въ одно органическое Единство были-бы раскрыты всѣ достижения современной человѣческой культуры, какаѣ это грандіозная и сверхъ человѣческихъ силъ лежащая задача!—А между тѣмъ, осуществленіе ея возможно, особенно если принять во вниманіе вышеуказанную ссылку на Религіозныя Писанія предыдущихъ цивилъ культуры.

Это единое ученіе, этотъ внутренній (эзотерическій) смыслъ Христова благовѣстія, Вѣчное Евангеліе, всегда было достояніемъ немногихъ избранныхъ. Въ древнѣйшія времена оно составляло „Патріархальную Мудрость“, по сему Христосъ и названъ „священникомъ по чину Мельхиседекову“; въ іудейскія времена оно было сперва достояніемъ „избранныхъ 70-ти“, которымъ Моисей передалъ устную традицію—Шемату, а потомъ сообщилось ученикамъ пророческихъ школъ—Набимъ; въ сокровенномъ смыслѣ причтъ о „Царствіи Божьемъ“, это ученіе было сообщено апостоламъ и первоначальная Церковь являлась его хранительницей.

И только тогда, когда духовные руководители запада и востока промѣняли небесное на земное, эта мудрость стала мертвой и только рѣдкія и святія души были въ состояніи уяснить себѣ міровой смыслъ церковныхъ символовъ.

То, что было одновременно, и высшимъ лицезрѣніемъ истины, и всемірнымъ Религіознымъ установленіемъ, и мистическимъ откровеніемъ всѣхъ искусствъ стало теперь въ глазахъ общества самой рядовой религіей, подобной многимъ и многимъ другимъ.

Нечего говорить о томъ, что нѣкоторые наиболѣе глубоко мыслящіе умы и возвышенные сердца улавливали нѣчто большее въ символикѣ христіанскихъ ученій и ритуаловъ, но для массы, хотя-бы интеллигентной, дѣло обстояло именно такъ, какъ было сказано выше. Они не могли оживить силою духа своего, любовью сердца и созерцательностью ума застывшую церковную жизнь.

Въ трудахъ подвижниковъ и учителей Церкви Христовой вы найдете большую религиозную свободу и болѣе глубокое мистическое проникновеніе въ смыслъ Христіанства, какъ Универсальнаго Синтеза, чѣмъ въ сухихъ и чисто формальныхъ сопоставленіяхъ текстовъ у богословствующихъ писателей.

И вотъ изъ этой-то цвѣтотканной трапезы святыхъ вдохновеній и прозрѣній мы сможемъ понять и примѣнить къ жизни не только смыслъ всѣхъ до—христіанскихъ культурныхъ проявленій человѣчества, но и Само Ученіе Христа и всѣ послѣдующіе этапы социальныхъ достиженій.

Такъ Христіанская Теософія должна въ будущемъ дополнить чуждыя взаимной связи и методологической строгости университетскія науки, оживить и претворить политическую жизнь въ церковную и реформировать въ единомъ синтезѣ всѣ художественныя проявленія человѣческаго творчества.

Сверхъиндивидуальный (сверхличный) разумъ, или духъ культуры употребляетъ для своего творческаго проявленія волю человека, которая, въ свою очередь, дѣйствуетъ въ различныхъ сторонахъ сложнаго человѣческаго существа.

При научныхъ достиженіяхъ воля въ видѣ вниманія (или интеллектуальной интуиціи) занимается творчествомъ въ сферѣ абстрактнаго ума (духа); при религиозныхъ достиженіяхъ она въ видѣ чувства творитъ въ сферѣ эмоцій (души); при художественныхъ достиженіяхъ она въ видѣ гармоничнаго переживанія творитъ въ сферѣ жизни (тѣла).

Теософія сливаетъ жизнь и творчество отдѣльныхъ сторонъ человѣческаго существа въ единый порывъ, такъ что всѣ запросы удовлетворяются этой полнотой и осуществляется глубокое и невозмутимое счастье.

Поэтому она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа „Святымъ Единством“, ибо она обновляетъ человѣческое существо, сообщаетъ ему мудрость и силу и надѣляетъ счастьемъ сопричтенія къ Божественной жизни.

Это Святое Единство можетъ быть только церковнымъ единствомъ, согласно природѣ сверхличнаго разума, достиженіе котораго и есть то, что называютъ „Богочеловѣчествомъ“.

Уяснивъ себѣ въ достаточной мѣрѣ эту точку зрѣнія, можно будетъ перейти къ чисто умственному или научному обоснованію теоріи Христіанскаго вѣдѣнія или къ „Христіанской Гносеологіи“, что и составить предметъ слѣдующаго очерка.

Всёволодъ Ковригинъ.

Тоxимая церковь.

Нынѣшнюю пасху въ первый разъ за всѣ вѣка своего существованія русская церковь праздновала, какъ церковь гонимая, со-трясаемая, „нанастей бурей“, въ терновомъ вѣнцѣ мученическихъ страданій. Въ великій четвергъ, какъ и въ прежніе годы, стояли мы съ зажженными свѣчами передъ распятіемъ и слушали евангельское членіе о томъ, какъ іудейская злоба, неистовствовала, требуя: распни, распни Его! Но никогда за всю свою жизнь мы не стояли такъ близко къ страданіямъ Христовымъ, никогда не подходили къ нимъ вплотную, какъ въ эти дни. Изъ отдаленія вѣковъ звучащая міру евангельская повѣсть никогда не носила для насъ такого характера современности, какъ теперь. Точно это были въ наши дни, и страсти Христовы живо, реально выступили въ явленіяхъ современности.

Страдающій, гонимый Христосъ и наша страдающая, гонимая Церковь, тогдашнее и современное „распни“—да развѣ все это не поразительно въ своемъ сопоставленіи?

Страшны глубиной своей божественной мудрости и предначертанія грядущаго слова Христовы, сказанныя апостоламъ, а въ ихъ лицѣ всѣмъ преемникамъ апостольскаго служенія, пастырямъ стада Христова: „въ мірѣ скорбны будете“ Меня мірѣ прежде васъ возненавидѣлъ, и васъ возненавидитъ“, „Меня гналъ и васъ будетъ гнать“. Страшны, потому что во всей глубинѣ своей осязательной, реальной правды исполняются теперь, въ эти дни. Страшно подумать, что пронцающій глубины и мракъ время взоръ Христа, когда Онъ говоритъ объ этомъ съ учениками,—провидѣлъ нашу, нынѣшнюю, русскую дѣйствительность, что великая скорбь, о которой размышляли вмѣстѣ съ Нимъ ученики на горѣ Елеонской,—есть, въ частности, наша, нынѣшняя, русская скорбь, скорбь любящихъ Церковь и видящихъ ее поруганную, оплеванную.